

В наши дни открытость, инклюзивность, искренность и свобода самовыражения стали неоспоримой политической корректностью. И если не считать горстки религиозных фанатиков, верящих, что аскеза закаляет дух, единственными, кто блокирует Эдем, остаются Линь Цзинхэн и его Серебряная десятка. При жизни генерала Линя это считалось его преступлением — недоброжелатели обвиняли его в скрытых умыслах и отсутствии прямоты. Однако после смерти это превратилось в заслугу: правительство Альянса специально выпустило статью, в которой говорилось, что он «ради закалки стальной армии первым принимал на себя страдания».

Линь Цзиншу выбрала этот способ почтить память покойного брата, что было сродни соблюдению строгого поста. Гэдэн не имел ничего против и даже весьма участливо подставил ей плечо, чтобы она могла отдохнуть, прислонившись к нему. В его нежности чувствовалась толика показного, рассчитанного на публику Серебряной крепости, но была и доля искренности — какими бы ни были разногласия между верховным секретарем и покойным адмиралом в прошлом, к Линь Цзиншу он питал теплые чувства.

Ничего не поделаешь: такая красавица, даже если она лишь безмолвное украшение дома, со временем неизбежно вызывает привязанность.

Новый комендант Серебряной крепости, генерал Ли, заранее вышел встречать маршала и чету секретарей. За его спиной выстроились две шеренги гвардейцев — вид у них был строгий, подтянутый: сплошь молодые красавцы, длинноногие и тонкоталые. Но при ближайшем рассмотрении возникало странное чувство диссонанса: гвардейцы были подобраны настолько однотипно, что, не считай порядковых номеров на форме, казалось, будто все они вылупились из одного яйца. От такого избытка мужской красоты рябило в глазах.

Маршал, человек старой закалки, при виде этого караула нахмурился. Генерал Ли поспешил оправдаться вполголоса:

— От Серебряной десятки почти никого не осталось, а остальные... остальные — это отпрыски знатных семей, народ своенравный, их трудно держать в узде. Ради безопасности Первого сектора я привлек группу андроидов. Видите ли, этот типаж...

Старый маршал язвительно прервал его:

— Неплохо придумано. Вернусь — напишу письмо в Совет Альянса, пусть пришлют искусственный интеллект для управления Серебряной крепостью. Будут роботы командовать роботами — и цивилизованно, и хлопот меньше, и не придется целыми днями плести интриги.

Генерал Ли, рассчитывавший блеснуть гибкостью мышления, приведя на встречу отряд роботов-моделей, был публично высмеян маршалом. Ему не оставалось ничего, кроме как понуро идти впереди, указывая путь и не смея больше раскрыть рта.

Группа вошла в Серебряную крепость и спустилась глубоко под землю. Используя высший уровень доступа войск Альянса, маршал отворил семь заблокированных дверей. Когда последняя массивная металлическая плита медленно поднялась, перед глазами

присутствующих предстал исполинский мех.

Он казался совершенным, ослепительным. Холодный корпус, мерцающий в полумраке, напоминал спящего дракона.

Секретарь Гэдэн восхищенно поднял голову:

— Это и есть Чжаньлу.

— Да, — генерал Ли невольно понизил голос, словно боясь разбудить зверя. — После... после Цзинхэна никто больше не мог пробудить Чжаньлу. Он отвергает любые ментальные связи, включая Эдем. Чжаньлу — сокровище человечества, знамя Серебряной крепости. Мы не хотели рисковать и пытаться взломать его принудительно, но в последние годы пираты стали слишком дерзкими, Альянсу он жизненно необходим. Поэтому мы и решили попросить госпожу Гэдэн о помощи.

Генерал Ли слегка поклонился госпоже Линь:

— Вы — единственная кровная родственница Цзинхэна. Возможно, ваши общие гены помогут найти отклик у Чжаньлу.

Линь Цзиншу отступила на шаг, не принимая поклона, и ответила безупречной улыбкой.

Старый маршал подошел ближе, коснулся корпуса Чжаньлу, приложил ладонь к люку кабины и проговорил:

— Запрос на установление связи.

В подземном зале сперва раздался низкий гул, а затем частота звуковой волны вышла за пределы человеческого слуха. Это походило на беззвучный рык, который эхом разнесся по помещению, словно морской прибой. Одновременно с этим маршал ощутил, как на него навалилось колоссальное давление: спящий мех был подобен загнанному в ловушку зверю, готовому в любую секунду вцепиться в горло.

Маршал вздрогнул, поспешно отдернул руку и попятился, едва удержавшись на ногах.

— Маршал!

Старый маршал отмахнулся от подобострастно протянутой руки генерала Ли и, впившись в него мутным взглядом, отчеканил:

— В 260-м году, когда новые космические террористы объединились с пиратами, Линь Цзинхэн получил приказ выступить. В той самой знаменитой битве он в одиночку взломал пятнадцать вражеских мехов, принудительно перехватив управление над каждым из них. Одновременно.

Генерал Ли то краснел, то бледнел.

— Линь Цзинхэн командовал Серебряной крепостью не за счет одного лишь меха, и то, что Чжаньлу не принимает связь — закономерно. Пытаться соединиться с ним вам, никчемным слабакам, — значит оскорбить машину. Ментальный порог не дотягивает, а вы про кровное родство? Надо же было такое придумать! — холодно бросил маршал, после чего с подчеркнутой вежливостью повернулся к Линь Цзиншу: — Госпоже Гэдэн не стоит пытаться. У вас слабое здоровье, вы не проходили военной подготовки, Чжаньлу может нанести вам ментальную травму. Потеря такой прекрасной леди стала бы невосполнимой утратой для Столичной звезды. Прошу прощения, что побеспокоили вас, пойдемте.

Секретарь Гэдэн приехал сюда лишь для вида и вовсе не горел желанием помогать, поэтому с радостью наблюдал за тем, как военные зашли в тупик. Он без лишних слов подхватил Линь Цзиншу и последовал за решительно зашагавшим прочь маршалом.

Он не заметил, как его «хрупкая» супруга обернулась и бросила на Чжаньлу взгляд. Ее длинные, как вороново крыло, ресницы опустились, скрывая странную, едва заметную усмешку.

В то же самое время, Восьмой сектор, планета Пекин-бета.

На рассвете Четвертый трижды тщательно вымыл руки, а закончив, задумчиво потер лицо.

Механическая рука на стене все еще пребывала в спящем режиме. Он сам побрился, переоделся, а затем открыл окна и обе двери бара «Разбитый кувшин».

Сквозняк, пропитанный холодом, пронесся по помещению — Пекин-бета проснулась после дрожащей от стужи ночи.

Четвертый налил себе вчерашнего кофе и выудил из холодильника сэндвич — местный деликатес Восьмого сектора. Он повертел его в руках, так и не поняв, что внутри, но его это мало волновало. Распахнув двери настежь, он принялся жевать под ледяным ветром, попутно подкармливая ящерицу мучными червями.

Снаружи нарастали звуки: торопливые шаги прохожих, пронзительная брань суетливых домохозяек, невоспитанные детишки, подражающие взрослым в сквернословии, и каждые пять минут — гудки «солнечных повозок». Это была особая, живая энергия Восьмого сектора.

В «Разбитом кувшине» было чисто, паук исчез.

Четвертый не отличался особой живостью даже в моменты прилива сил, а после бессонной

ночи не выглядел подавленным. Он был как сосна: и в бурю, и в ясный день — всегда одинаков.

Кожа груба, как железо, и нет дела до перемен погоды.

— Вам не следует завтракать на холодном ветру, это приведет к проблемам с желудком, — спустя ровно три часа висящий на стене Чжаньлу превратился в прекрасного юношу.

Четвертый, словно замороженный, смотрел в окно, не оборачиваясь:

— Не приведет.

Едва он договорил, двери и окна бара захлопнулись, температура в помещении быстро поднялась, отрезая ледяное утро Пекин-беты за стенами, прочными, как крепость.

Чжаньлу серьезно добавил:

— Приведет. Употребление холодной пищи на ветру имеет прямую корреляцию с заболеваниями желудочно-кишечного тракта.

Четвертый:

— ...

Чжаньлу забрал его более чем скромный завтрак, вылил вчерашний кофе, смолот свежий и разогрел сэндвич:

— Вы допросили Паука.

Четвертый перешел к делу без обиняков:

— Да. Три месяца назад «Ядовитое гнездо» на окраине Восьмого сектора столкнулось с группой неизвестных. Они заявили, что у них есть сотня мехов и два вооруженных звездолета, и предложили сделку по оружию. Чипы привезли они. Имплантированные в сердце, они не только позволяют по своему желанию влиять на людей и ИИ в радиусе двухсот метров, но и превращают носителя в неуязвимого супермена — насколько мне известно, даже у Эдема нет таких функций.

Что означала сотня мехов?

Пять лет назад правительство Альянса тайно окружило Серебряную крепость, задействовав всего пятьсот мехов.

Чжаньлу:

— Это не местная банда Восьмого сектора.

— Скорее всего, нет, — сказал Четвертый. — Эти таинственные люди предложили очень низкую цену, первую партию оружия почти подарили, попросив лишь «Гнездо» помочь собрать детей от двух до четырех лет, партиями по сто человек. Они уже забрали две партии. Есть подозрение, что они проводят какие-то эксперименты на людях. Эти люди запретили похищать детей в одном и том же месте — возможно, боятся разоблачения, а может, используют дураков из «Гнезда» для тестирования биочипов. Сейчас эти бандиты рыщут по всему сектору.

Чжаньлу молча ждал вывода Четвертого.

Тот небрежно доел разогретый завтрак и произнес:

— Не спеши. Если это дело рук пришельцев извне, то «Гнездо» — лишь их прощупывание почвы, рано или поздно они выйдут на нас. А до тех пор лучше выяснить, что это за биочип.

— Я окажу всяческую поддержку ректору Лу, — Чжаньлу помолчал. — Кстати, вы собираетесь на приглашение ректора Лу посетить церемонию открытия академии?

— С чего бы это? — Четвертый залпом допил кофе.

Чжаньлу:

— Но я заметил, что вы сменили одежду.

Четвертый отмахнулся:

— Вчерашняя была в крови, грязная, я ее утилизировал.

Чжаньлу отозвался коротким «о», убрал посуду и пустую чашку:

— В таком случае позже я удалю это мероприятие из вашего расписания.

Четвертый посидел молча, а затем спросил:

— Кто вообще разрешил тебе вносить это в расписание?

Церемония открытия, которую Чжаньлу внес в расписание ректора Лу, еще не началась, а сам ректор уже столкнулся с проблемами.

Церемония была назначена на утро, а перед ней проводилось общее собрание преподавательского состава.

В только что созданной Академии звездного моря было открыто три факультета: проектирования мехов, управления мехами и информационных наук. Учебные пособия ректор писал сам... ну, или собирал с миру по нитке.

Согласно грандиозному замыслу Лу Бисина, в будущем Академия звездного моря должна была стать высшим храмом человеческой мудрости, оснащенным передовыми лабораториями и библиотеками чувственного восприятия. У нее должно было быть собственное издательство — самое авторитетное во Вселенной, исследовательские институты во всех восьми секторах, объединяющие элиту человечества. Академия должна была стать достойным соперником и партнером Академии Улан на далекой планете Вото, а имена, блиставшие в истории человечества, должны были быть неразрывно связаны с Академией звездного моря.

У Лу Бисина за душой не было ни гроша, зато амбиций — хоть отбавляй.

Путь в тысячу ли начинается с первого шага, и Лу верил, что эти три крошечных, едва дышащих факультета — первый шаг к его великому делу.

Однако в светлое утро перед началом учебного года деканы трех факультетов, мрачнее тучи, явили ректору суровую реальность.

Декан факультета управления мехами, человек вспыльчивый, не дав ректору договорить о радужных перспективах семестра, перебил его:

— Ректор Лу, я больше не могу преподавать! В прошлом семестре процент не сдавших экзамены составил девяносто процентов! И это притом, что мы извлекали квадратный корень из каждой оценки и умножали на десять! Скажите, что нам делать?

Декан проектирования мехов безэмоционально нанес контрольный удар:

— У нас — сто процентов не сдавших.

Выслушав эти шокирующие цифры, Лу Бисин снисходительно заметил:

— Проектирование требует глубоких базовых знаний, ничего страшного. В конце концов, мы можем продлить срок обучения. Знаете, может, в первый год не стоит быть такими строгими? Накиньте им пару баллов, пусть сдадут.

— Не накинуть, — декан проектирования выглядел так, будто жизнь его потеряла всякий смысл. — Если считать по стобальной шкале, то лишь у одного студента средний балл выражается двузначным числом.

Лу Бисин:

— ...

— Про наш факультет я вообще молчу, данных нет, — медленно проговорил декан факультета информационных наук, старик с благородным, исхудалым лицом и седыми волосами. — Ректор, я не знаю, как вы составляли рекламные объявления, но многие абитуриенты решили, что мы учим собирать сплетни. Я объяснял им, что мы не факультет шпионажа и не школа агентов, но что в итоге? Поступило сорок девять, отчислилось пятьдесят. То есть у меня сейчас только первокурсники, второкурсников нет.

Лу Бисин попытался осмыслить сказанное:

— ...Как это отчислилось больше, чем поступило?

Старик пояснил:

— Один студент начал оформлять документы, увидел, что в школе полно хулиганов, которые ему угрожают, испугался и сразу подал на отчисление.

Преподаватели были учеными, которых Лу Бисин выискивал по самым глухим уголкам Восьмого сектора — в этих краях они были вымирающим видом.

Когда они ехали сюда, то верили, что будут обучать таланты и ступят на путь познания истины. Но по приезду обнаружили, что работают смотрителями в зоопарке, что было ниже их достоинства.

Три декана сидели кружком, шестью глазами обвиняя ректора-авантюриста.

Лу Бисин оставался невозмутим:

— Это проблема учебников и программы. Раньше я обучал студентов в частном порядке, а это первый год официальной работы, опыта нет. В следующий раз, если возникнет подобная ситуация, поднимайте вопрос на педагогическом совете, мы все исправим.

— Ректор Лу, — спросил глава факультета управления мехов, — вы знаете, сколько стоит поддельный сертификат о начальном образовании?

Система образования в Восьмом секторе отличалась от других простотой: было всего две ступени — начальная и высшая. Начальная — это база, можно отучиться положенные пятнадцать лет в государственной школе, а можно выучиться самостоятельно и сдать экзамен в правительстве. Получив сертификат, можно идти на курсы повышения квалификации или устраиваться на работу, либо продолжать обучение в высшей школе.

Конечно, в высшую школу берут не всех. Во всем Восьмом секторе заселены восемнадцать планет, а высших учебных заведений всего одиннадцать, причем шесть из них закрыты — остались лишь пустые здания да пара охранников, чтобы там не селились бродяги и преступники.

Большинство людей даже не знают, как выглядит университет.

Учиться — толку ноль, это аксиома Восьмого сектора.

В таких условиях то, что в первый год в Академию звездного моря подали заявки около сотни человек, а во второй — более трехсот, и появился даже такой термин, как «конкурс», было чудом. И это чудо свершилось не потому, что ректор Лу был необычайно красив, а потому, что, по слухам, за Академией стоял Четвертый.

В конце концов, это была эпоха, когда университеты искали покровительства у бандитов.

— Тридцать кредитов за подделку, качество гарантировано, плюс сто восемь — и вам сделают полный пакет документов с гарантией поступления. Хотите увидеть Четвертого? Хотите попасть в черную дыру? Всего за сто тридцать восемь — покупка без разочарований, — продолжал декан факультета информационных наук. — Да, именно те ребята, что отчислились с нашего факультета, этим и промышляют.

Лу Бисин:

— ...

Декан проектирования, обладатель вечно печальных бровей домиком, выглядел еще более удрученным:

— Ректор Лу, набранные вами студенты приходят сюда в основном ради того, чтобы поглазеть на того самого господина. Ладно хулиганы, так они еще и безграмотные хулиганы! Мы стремимся быть садовниками, но заставлять нас выращивать сад из живых крыс — это уж чересчур.

Лу Бисин быстро прикинул в уме стоимость своей «продажи» и, улыбнувшись, начал пускать пыль в глаза:

— Не стоит так говорить. Любой великий путь усеян терниями, каждого мудреца когда-то считали глупцом, пытающимся сдвинуть горы. Как гласит пословица: «Лишь путь в ад устлан цветами добрых намерений». Разве трудности — не обязательное условие достижения мечты?

Три декана, словно побитые морозом баклажаны, опустили головы. Эта «целебная» болтовня ректора была несъедобна.

Лу Бисин:

— Я знаю, что вам нелегко, поэтому решил поднять зарплату всем сотрудникам на двадцать процентов.

Баклажаны тихонько пустили новые ростки, в них теплилась жизнь.

Лу Бисин, мастерски играя обе стороны, сменил тон:

— По неполным данным, процент отсева в начальных школах Восьмого сектора достигает девяноста процентов. Я знаю, что у большинства абитуриентов нет законченного начального образования, а сертификаты поддельные. Но ведь бросают учебу не всегда добровольно. Кто знает, может, среди них есть те, кто из последних сил цепляется за надежду? Коллеги, вы знаете, что в других секторах, совсем недалеко от нас, начальное образование уже не нужно?

— Эдем... — кто-то отозвался из зала.

— Эдем, — Лу Бисин встал, заложил руки за спину и заговорил воодушевленно: — В Эдеме детям до десяти лет базовые знания напрямую загружают в память через ментальную сеть. Они называют это «безболезненным обучением». Месяц в капсуле — и знания усвоены. Вы можете себе это представить? Им не нужно, как нам, зубрить, забывать, плутать впотьмах в поисках наставника. Вы жалуетесь на слабые знания студентов, но, если взглянуть на это с другой стороны, у каждого из нас они слабые! Мы проиграли на старте, родившись здесь. Но что с того? Мы можем изменить учебники, двигаться шаг за шагом, учить их медленно. Легко бросать других, но не стыдно ли вам перед самими собой, когда-то такими же потерянными?

В зале воцарилась тишина. То ли их проняла забота ректора о судьбах страны, то ли совесть проснулась от прибавки к зарплате.

Лу Бисин окинул всех взглядом, чувствуя, что убедил их, и, сохраняя озабоченный вид, распустил собрание. Он нашел уединенный уголок, быстро осмотрел себя в стекле: широкие плечи, узкая талия, строгий костюм, гладко зачесанные волосы, высокий лоб, правильные черты лица — вид настоящего денди.

Затем красавец принялся тренировать улыбку: попробовал «полуулыбку без зубов», «стандартную улыбку в восемь зубов» и «сдержанную улыбку в один зуб».

Все три варианта были хороши по-своему, но Лу Бисин не мог выбрать. Хотя ему хотелось продемонстрировать свои белоснежные зубы, он решил, что сдержанность больше подходит ректору, и, укрепляя сердце, выбрал третий вариант.

Подготовившись, он с самым небрежным видом направился к актовому залу.

Переступив порог, Лу Бисин кивал каждому встречному, держа одну руку в кармане, а сам думал: «Придет он или нет?»

На этой планете, полной деревенщины, пожалуй, только Лу Бисин был достаточно проницателен, чтобы понять, что Чжаньлу — не человек. Средний интеллект местных ИИ не превышал восьмидесяти, поэтому спутать их с Чжаньлу было трудно.

Лу Бисин также знал, что Линь не местный и уж точно не космический пират — он с детства

рос при Одноглазом Орле и видел немало пиратов. Те напоминали бродячих стервятников, в них чувствовалась жестокость людей, загнанных в тупик, — Линь был совсем не таким.

<http://bllate.org/book/19100/1875999>